

Am Montag Abend herrschte schon in den Vor-
räumen des Schwarzhauptersaales ein ganz unge-
meines Gedränge und viel Aufregung. Die Karten
waren längst ausverkauft. Ansehnliche Gruppen ohne
solche jedoch wichen und wankten nicht und hofften
doch noch Einlaß zu finden und die Ordner waren
bestrebt, sie zu verschrecken.

Das glühende Interesse galt dem Wunderkinde
Mitscha Alexandrowitsch. Und es handelt
sich ja hier auch um etwas ganz Außerordentliches.
Menschen von acht Jahren, die in diesem Alter in-
strumental bereits etwas leisten, stehen in persönlicher
Erinnerung oder sind in der Musikgeschichte bekannt.
Mozart, Mendelssohn, Raoul von Koczalsky, Jascha
Chaifetz und andere. Von Achtjährigen aber, die
schwierige Arien und Lieder singen, hat man kaum
gehört.

Der erstaunliche Knabe betrat den höchst überfüllten
Saal mit gemessenem Anstande und völliger Unbe-
fangenheit, einige Konjektschachtern, die man ihm
sogleich zwar, absolut ignorierend. Er sang zur
Einleitung ein langes, musikalisch und vokal bedeuten-
des Anforderungen stellendes Gebilde von Ewton
, „A gut Woch“ und zeigte sich damit als ein Interpret
von sicherem Können, der die ihm von der Natur
verliehene so überaus seltene Stimmgabe mit einer
Bewußtheit und einer Ueberlegung verwaltet, die
wahrhaft verwunderlich wirkten, so daß man das
Lächeln bald vergaß vor einem solchen Ernst.

Im nächsten Vortrag jedoch bemerkte man, daß der
kleine Sänger in Gefahr kam, sich zu überanstrengen.
Man hatte nämlich nicht mit der schwülen Wärme ge-
rechnet, die der Saal bei solchem Andrang entwickeln
mußte und welche seiner Stimme nicht zuträglich war.

Man hatte das Programm übrigens nicht mit Be-
dacht zusammengestellt und sah sich genötigt, es in-
sofern zu verändern, als das Kind von nun ab immer
nur nach größeren Pausen vortrat. Und immer wieder
erkannte die beherrschte Atemtechnik, der starke und
reine Haß und der Wille zur Kunst. Man hörte den
„Leiermann“ von Schubert, russische Wiegenlieder und
Jüdisches. Und alles machte den Eindrud des ürgenden
oberflächlich angefertigten.

Ob aus diesem kleinen, zarten seelenvollen Riesen-
von acht Jahren ein großer Künstler wird, kann man
nicht wissen; es hängt das in jeder Beziehung von
der körperlichen Basis ab, von der Mutation und der
übrigen Entwicklung. Jedenfalls darf ihm bei öffent-
lichem Singen demnächst nicht mehr ein derartiges
Programm mit so vielen Nummern zugemutet werden.

В понедельник вечером в вестибюле зала Дома
«Черноголовых» собралась огромная толпа и царил
большое оживление. Билеты уже давно были
распроданы. Однако пронирливые группы без
билетов пытались попасть внутрь, и служители
старались их не пропустить.

Неподдельный интерес был прикован к ребенку-
вундеркиндю Мише Александровичу. А ведь это нечто
совершенно необычное. Людей в возрасте восьми лет,
которые в этом возрасте уже достигли чего-то в
инструментальной музыке, помнят и хорошо знают в
истории музыки. Это Моцарт, Мендельсон, Рауль
Когальский, Яша Хейфец и другие. Но мы не
слышали, чтобы восьмилетние дети пели сложные
арии и песни.

Удивительный мальчик вошел в переполненный зал
с размеренным приличием и полным отсутствием
эмоций, полностью проигнорировав несколько коробок
с сладостями, которые тут же были брошены в его
сторону. В качестве вступления он спел длинное,
музыкально и вокально сложное произведение Львова
"Хорошая неделя" и показал себя потрясающим
интерпретатором своих способностей, управляя своим
чрезвычайно редким вокальным даром с такой
осознанностью и продуманностью, что это
действительно поражает, и вскоре улыбка поневоле
исчезает перед серьезным выражением мастера.

Однако при следующем исполнении стало ясно, что
маленький певец рискует перенапрячься. Устроители
не учли знойной теплоты, которая установилась в
зале при таком скоплении народа и которая не
благоприятствовала его голосу.

Кстати, программа была составлена не слишком
тщательно, и ее пришлось изменить, чтобы далее
ребенок выступал только после больших перерывов.
Нас поразила отточенная техника дыхания, сильное и
чистое звучание голоса и стремление ребенка к
искусству. Мы слышали "Лейермана" Шуберта, русские
колыбельные и еврейскую музыку. Ничего не
производило впечатления чего-то поверхностного и
заурочного.

Невозможно сказать, станет ли этот маленький,
нежный, душевный рижанин восьми лет великим
артистом; это во всех отношениях зависит от его
физической основы, мутации и других особенностей
развития. Во всяком случае, в ближайшее время ему
не стоит давать программу с таким большим
количеством номеров на публичных выступлениях.